

ИСТОРИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА

И. К. МИРОНЕНКО-МАРЕНКОВА

КАК МОЖНО РАЗОЧАРОВАТЬСЯ В СВЯТОМ

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТА
БЕНУА-ЖОЗЕФА ЛАБРА

В апреле 1783 г. в римском районе Монти, недалеко от Колизея, происходило нечто странное. На Пасхальной неделе из церкви Мадонны деи Монти сначала было вынесено Святое причастие, а вскоре и сама церковь была закрыта на несколько дней. Причиной тому было необыкновенное стечение народа, желавшего видеть тело умершего бедняка, выставленное в ней на обозрение. Люди всех сословий, богачи и бедняки, мужчины и женщины, устремились в небольшую церковь; наплыв паломников мешал проводить службы, исповедоваться и всячески будоражил весь район. Для охраны порядка к телу даже были приставлены солдаты, но и это не помогло избежать кошунств, вызванных давкой и сумятицей. Через несколько дней тело бедняка похоронили в той же церкви, однако наплыв паломников не убывал, на его могилу приходили римляне и жители других городов в надежде вымолить его заступничество перед Господом. Незамедлительно был открыт канонизационный процесс, затянувшийся почти на столетие, были опрошены сотни свидетелей и собраны сотни документов, рассказывающих о жизни бедняка, который ко всему прочему был даже не итальянцем, а французом...

В этой истории много неясного. Почему тело нищего было выставлено на всеобщее обозрение в церкви, а затем захоронено там же? Почему, несмотря на такое бурное почитание, процесс затянулся на целое столетие? И кем же был этот нищий француз?

Бенуа-Жозеф Лабр, или по-итальянски Бенедетто Джузеппе Лабре (впрочем, его имя стало известно только после кончины по обнаруженным на теле бумагам), родился на севере Франции в городке Аметт в 1748 г. Родители, небогатые, но жившие в достатке земледельцы и торговцы, с детства готовили сына к церковной карьере. Такова была традиция в семье, где дяди по материнской и от-

цовской линии были священниками, да и среди братьев и сестер самого Бенуа (а детей в семействе было девять) трое избрали церковное поприще. Для подготовки к будущему служению Бенуа отправили сначала к одному, а затем ко второму дяде-священнику. Мальчик отличался набожностью и усердием, но в учении был прилежен только при чтении душеспасительных книг, а латынь и античные труды давались ему с трудом, тем более что он сам был к ним равнодушен. Повзрослев, Бенуа принял решение удалиться в монастырь, чем сильно расстроил родителей, надеявшихся, что сын станет священником и обеспечит доход и уважение семье. Однако мечтам Бенуа не суждено было сбыться. Он избрал монастырь Траппистов¹, известный своим строгим уставом, но там ему отказали из-за слишком юного возраста. Трижды Бенуа поступал в другие монастыри и трижды покидал их, не пробыв в послушничестве и полугода, так как его смятенный дух не находил покоя за монастырской оградой. Юноша налагал на себя чрезмерные подвиги аскезы и в итоге был трижды отослан из монастыря. Последней надеждой стало поступление в монастырь в Италии, где не хватало послушников, а потому с радостью принимали выходцев из Франции. Между тем, отправившись в путь, он уже нигде не останавливался надолго, став паломником, посещающим святилища в разных уголках Европы и живущим милостыней². Со временем основными местами его благочестия стали Рим и Лорето, известный тем, что именно в этот маленький итальянский город, по преданию, был перенесен со Святой Земли домик Богородицы, где она родила Иисуса.

Бенуа-Жозеф Лабр избегал людей. Он предпочитал странствовать и молиться в святилищах в одиночку, а если замечал, что кто-то начинает проявлять интерес к нему, то сразу же удалялся. Во время паломничеств он находил приют у благочестивых людей или ночевал под открытым небом, а в Риме жил то в развалинах Колизея, то под городской лестницей; лишь к концу жизни, окончательно подорвав здоровье, он перебрался в приют для нищих, где все так же

---

¹ Трапписты — монашеский орден, образовавшийся в XVII в., следует строгому уставу Св. Бенедикта.

² Исследователи изучили маршруты его странствий по Франции, Испании, Швейцарии, Германии, Голландии и Италии См., напр.: *Gaquère F. Le Saint Pauvre de Jésus-Christ, Benoît-Joseph Labre. 3 éd., Avignon, 1954.*

избегал близкого общения с собратьями. Лабр умер на ступенях церкви Мадонны деи Монти в 1783 г. в возрасте 35 лет.

Такова биография святого по его многочисленным жизнеописаниям³. Так чем же прославился в Риме нищий, который даже не умел хорошо говорить по-итальянски? Как распространилась молва о его святости, если он всегда избегал общения? Как случилось, что к телу его прикладывались бесчисленные почитатели, тогда как при жизни многие брезговали даже стоять рядом с ним в церкви, а некоторые священники запрещали ему заходить в исповедальню, боясь, что его лохмотья, усеянные паразитами, оскорбят добропорядочных прихожан? Посмотрим, как происходило прославление святого.

Утром 16 апреля 1783 г. Бенуа-Жозеф Лабр находился в церкви Мадонны деи Монти; уже несколько дней он чувствовал себя обессиленным, когда же ему стало совсем плохо, он вышел из церкви, чтобы глотнуть свежего воздуха, и на ступенях церкви упал. Вокруг собрались местные жители и предложили доставить его в больницу, но Лабр позволил лишь отнести себя в стоявший рядом дом знакомого мясника Франческо Заккарелли. Там обессиленного нищего уложили на кровать, накормили, позже пригласили священника. Ночью Бенуа-Жозеф скончался. Франческо Заккарелли сыграл важнейшую роль в прославлении святого, во многом благодаря ему тело Лабра было перенесено в церковь с согласия местных священников.

Тотчас же после кончины благочестивого нищего в комнате, где он испустил последний вздох, был устроен мемориальный комплекс — все предметы остались в неприкосновенности, на стенах были изображены сцены из жизни Лабра. Описание этой комнаты мы найдем в материалах канонизационного процесса в показаниях свидетелей и официальном заключении о ее осмотре⁴. А вот как сам

---

³ Первые и самые важные жизнеописания святого: *Alegiani G. B. Abrégé de la vie du Serviteur de Dieu / Par J. B. Al., avocat en la cause de sa Béatification, Paris, 1783; Vie de Benoît-Joseph Labre, mort à Rome en odeur de sainteté, traduite de l'italien de M. Marconi, lecteur du Collège romain, confesseur du serviteur de Dieu, avec un recueil de nouveaux miracles... P., 1784.* Из последующих публикаций особо нужно отметить: *Aubineau L. Vie admirable du Bienheureux mendiant et pèlerin Benoît-Joseph Labre. P., 1873.*

⁴ Вот, к примеру, показания одного монаха: «Эта комната у Заккарелли окружена некоторым почитанием, которое между тем, на мой взгляд, не переходило границ частного почитания. В ней находится своего рода витрина в виде алтаря,

Заккарелли объяснял создание этого места частного культа: «Ввиду того уважения и веры в Бенедетто, которые я имел раньше и имею ныне, я не захотел, чтобы эта комната, где он умер, была занята кем-либо из моей семьи. Поэтому я захотел по возможности украсить ее и заказал покрыть стены картинами, отображающими некоторые события, связывающие меня и Бенедетто. Поэтому там изображен Угодник Божий, когда он пришел в мой дом, чтобы взять башмаки, которые я пожертвовал ему вместе со шляпой. В другом месте изображено, как Угодник Божий молится перед главным алтарем в церкви Мадонны деи Монти утром в среду на Страстной неделе, в день своей смерти; в тот день, я пригласил его в свой дом, когда он упал на ступенях этой церкви. Потом изображено, как два человека принесли его в мой дом, и наконец, как его уложили в постель, и моя дочь дала ему немного еды. Впрочем, все эти портреты ничем не демонстрируют его святость, потому что Угодник Божий не окружен лучами, сиянием и никакими подписями. Кровать и немногие остатки его одежды находятся под своего рода витриной, за ее стеклянными дверцами видна кровать, а над кроватью есть ящик, в котором хранятся его вещи. На этой витрине стоит гипсовый бюст, изображающий Угодника Божьего, но не носящий никаких атрибутов святости. Эта витрина отгорожена решеткой из крашеного дерева, на которой находится овал с изображением Угодника Божьего со смиренным и благочестивым лицом, а под овалом видна надпись, на которой значится лишь его имя и день, когда он умер в этой комнате»⁵.

на которой стоит бюст из воска или гипса, высотой примерно в три ладони, который изображает Бенедетто, однако на этом бюсте не заметно следов лучей, сияния, ореола или титулов святого или блаженного. Там же стоит кровать, в которой умер Бенедетто, и вещи, которые он на себе носил. Эта витрина окружена решетчатой оградой с краткой надписью, на которой, если я не ошибаюсь, значится: «Здесь умер Бенедетто Джузеппе Лабре». Стены этой комнаты украшены фресками, изображающими Угодника Божьего, а именно: как он получает от мясника в качестве милостыни шляпу и старые башмаки для путешествия в Лорето, как сыновья этого Заккарелли вносят его в комнату в среду утром на Страстной неделе, как его укладывают на кровать и как ему подносят еду. Ничего иного в той комнате я не заметил, несомненно, в этих изображениях, как и во всей комнате, нет никакого следа публичного культа». Archivio Segreto Vaticano. Sacra Rituum Congregatione. В.-J. Labre. (далее — Processus Labre). vol. 2395, fol. 188 r.-189 r.

⁵ Processus Labre. vol. 2395, fol. 239 r.-239 v.

Посмотреть на умершего, а после похорон и на комнату, где он скончался, приходило много людей (впрочем, нужно помнить, что стечение народа является обязательным элементом агиографического повествования⁶). Большую часть посетителей составляли жители окрестных кварталов, слышавшие о благочестивом нищем, но приходили также паломники из других городов⁷. Но гораздо большее стечение народа наблюдалось в церкви, где сначала выставили на всеобщее обозрение, а потом похоронили Лабра. Выставление тела святого на показ являлось важной составляющей культа: «этот ритуал давал возможность убедиться, что тело святого обладало сверхъестественными качествами, которые не были присущи прочим умершим и которые должны были быть продемонстрированы посредством ритуализованных манипуляций. Кроме того, верующие пользовались этим, чтобы заполучить личные сокровища — реликвии»⁸. Эти качества, которых обычно ожидает публика — приятный запах, незастывшая кровь, испарина и теплота тела⁹. Нужно отметить, что за честь захоронения останков французского паломника боролись две церкви, расположенные в том районе, но победу одержала церковь Мадонны деи Монти, где покойный проводил много времени и молился в день кончины.

Зачем народ хочет видеть тело святого? «Цель состоит не столько в том, чтобы увидеть тело святого, но в том, чтобы прикоснуться, в последний раз приласкать его, положить на него четки, которые тогда зарядятся его сверхъестественной силой и чудотворной мощью, и без зазрения совести заполучить частицу его одежды. Когда одежды уже

---

⁶ «Как только распространяется известие о кончине, народ устремляется посмотреть на тело. Это то, что все источники называют, согласно принятой терминологии, большим стечением народа. Все опубликованные жития, все канонизационные процессы его упоминают». *Sallmann J.-M. Naples et ses saints à l'âge baroque (1540–1750)*. Paris, 1994. P. 294.

⁷ По показаниям Фортунато Заккарелли, сына мясника, однажды к ним в дом пришел даже «какой-то москвит, чтобы увидеть эту комнату. Он проявил большое почтение, хотел получить какую-нибудь реликвию и принял ее с видом благочестивого удовольствия. А когда я спросил у окружающих, кто это был, мне сказали, что это был схизматик, повар одного русского адмирала». *Processus Labre*. vol. 2394, fol. 216 v.

⁸ *Sallmann J.-M. Naples et ses saints...* P. 297.

⁹ *Sallmann J.-M. I poteri del corpo santo: rappresentazione e utilizzazione (Napoli, secoli XVI–XVIII) // Levillain Ph., Sallmann J.-M. Forme di potere e pratica del carisma*. Napoli, 1984. P. 75–92.

не остается, приходит очередь самого тела»¹⁰. Значение реликвий чрезвычайно велико: «для большинства верующих, которые не имели счастья лично знать святого, пока тот был жив, реликвия является единственным осязаемым элементом, который связывает их со святым; кроме того, поскольку целительная сила проявляется почти всегда посредством реликвии, то реликвия тем самым продлевает чудотворную активность святого после его смерти и даже расширяет ее благодаря собственной способности множиться»¹¹.

На могиле Бенуа-Жозефа паломники молились и нередко оставляли небольшие подарки в знак благодарности за полученные милости. Вот рассказ Паскуаля Марии Сантулли, пономаря, принадлежавшего к конгрегации Пии Операи: «я знаю, что много экс-вото¹² из серебра, разные костыли и прочие орудия, указывающие на излеченные недуги, были подарены исцеленными Падре Гаэтано Пальма, Постулятору¹³ в деле по канонизации Угодника Божьего, или нашему пономарю. ... Впрочем, заверяю вас, что они никогда не были у всех на виду или, по крайней мере, я никогда не видел подобного, даже в первые дни великого волнения в нашей церкви, когда приходили смотреть на могилу Бенедетто. Я хорошо помню и скажу, что в те первые дни после погребения Бенедетто, в течение двух или трех дней, оставались на всеобщем обозрении, под лавкой нашей ризницы, разные костыли, пояса и другие вещи, какие именно не помню, оставленные как знак благодарности за полученную благодать теми, кто излечился от соответствующих недугов. Но по прошествии того времени по приказу падре Пальма все эти вещи были собраны и положены в сервант. Я и вправду не знаю, почему эти вещи оставались на всеобщем обозрении. Как я себе представляю, случилось следующее: или во время этих волнений никто не подумал убрать эти вещи, или же их оставили, чтобы заставить замолчать те лукавые голоса, которые отрицали действительность и милости, полученные благодаря заступничеству Угодника Божьего»¹⁴.

¹⁰ *Sallmann J.-M.* Naples et ses saints... P. 302.

¹¹ *Ibid.* P. 332.

¹² Приношение по обету, изображение в серебре, дереве, вышивке и т.п. больного органа, который был исцелен благодаря заступничеству святого.

¹³ Постулятор — в Католической церкви лицо, представляющее епископу официальное прошение о канонизации.

¹⁴ *Processus Labre*. vol. 2395, fol. 62 v.-63 v.

Канонизационный процесс открылся сразу после смерти Лабра. Множились пухлые тома с показаниями свидетелей, знавших или просто слышавших о кандидате в святые¹⁵. Среди сходных показаний, повествующих о чудесах и добродетелях нищего, особенно выделяется одно свидетельство. Принадлежит оно монахине, опровергающей повсеместно распространяющееся мнение о святости Лабра.

Тереза Дзокки, 51 года, монахиня из конгрегации Маэстре Пии, основанной в XVII в. для обучения девочек из народа, учительница в одной из римских церковных школ; в фигуре этой женщины нет ничего особенного по сравнению с другими персонажами, которые отвечали на вопросы комиссии, занимавшейся сбором материалов о Лабре. Однако ее показания разительно отличаются от привычных славословий в адрес благочестивого нищего.

Дзокки услышала от некоего аббата, что процесс Лабра приостановился из-за того, что было обнаружено его письмо к родителям, где он рекомендовал им читать сочинения отца Лежена. Этот автор XVII века, известный также под именем Слепого, был причислен к сторонникам янсенистов, а потому чтение его произведений было истолковано как признак склонности самого Лабра к янсенизму, осужденному католической церковью. Рассудительная учительница сообщает, что решила узнать, в чем заключаются заблуждения янсенистов. Аббат ответил, что янсенисты ведут строгую жизнь, но их набожность поверхностна. Далее монахиня размышляла: «услышав это, я про себя подумала, что именно поэтому раб Божий молился в тех местах, где его могли увидеть, и мне показалось, что он лучше бы

---

¹⁵ Например, показания Раймондо Рубини, священника церкви Мадонны деи Монти: «Некий дух святости, исходивший от его красивого лица, его особая набожность, сосредоточенность и продолжительность его молитв, во время которых он часами оставался на одном и том же месте, привлекли мое внимание. Эти вещи поразили мое воображение, и иногда, окончив службу и вознеся благодарность, я приближался, так чтобы он меня не видел, и смотрел на него, и порой я так задерживался на четверть часа или полчаса. Признаюсь, я получал добрый пример, наблюдая его неподвижным, с глазами, опущенными на книгу, не знаю, была ли то богослужбная книга или сборник благочестивых размышлений. И я видел, что, прочитав небольшой отрывок, он поднимал глаза и устремлял их на изображение Пресвятой Богородицы, потом возвращался к чтению и вновь обращал свой взор на изображение, как я описал выше, и так он и продолжал, то читая, то созерцая». *Processus Labre*. vol. 2394, fol. 64 r.-v.

сделал, если бы удалялся в более укромные места. Потом я подумала, что он не был совершенно бедным, ведь после смерти при нем были обнаружены сорок пять или больше паоло»¹⁶. Затем монахиня слышала от разных лиц, что Бенуа-Жозеф не причащался и, чтобы избежать принуждения, отказывался участвовать в Крестном пути по Колизею¹⁷ вместе с другими нищими, а во время Пасхи удалялся в Лорето, где никто не мог проверить, причащался ли он; а еще однажды римский священник, желая удостовериться, что Лабр причащался в Лорето, повелел ему показать специальный билетик, который выдавался после причащения, но Лабр не сделал этого под предлогом, что потерял его.

Для услышавшей эти странные истории Дзокки, первым основанием подозревать французского паломника в неортодоксальности послужило его странное воздержание от причащения, которое многие связывали со склонностью к янсенизму, ведь янсенисты были известны проповедью редкого причащения. Следующий ее аргумент не столь догматичен, но гораздо лучше отражает повседневное отношение верующих к божественным материям. Вот что она говорит: «я не была свидетельницей ни одного чуда, хотя о них многие говорили. С этой целью я специально проводила в церкви Мадонны деи Монти почти каждое утро, но убедилась скорее в поддельности и вымышленности некоторых чудес. Тот факт, что моя мать и сестра не получили желаемого исцеления, хотя я страстно молила раба Божия о заступничестве, стал причиной, по которой я потеряла прежде зародившуюся во мне веру в святость этого человека»¹⁸.

Тереза Дзокки указывает также на недочеты, замеченные ею в опубликованном кратком сборнике (Sommario) материалов, необходимых для официального открытия канонизационного процесса. В показаниях падре Манчини, которого монахиня знала лично и с которым вела беседы о Лабре, она находит рассказ о соблюдении Лаб-

---

¹⁶ Processus Labre. vol. 2394, fol. 322 r.-v. Паоло — простонародное название монеты в 10 баиоков, происходит от имени римского папы Паоло (Павла) III. Баиок — мелкая монета, выпускавшаяся с конца XV до середины XIX в.

¹⁷ Крестный путь (Via Crucis) — в католицизме распространенная практика, заключающаяся в прохождении и молитвах на 14-ти станциях, соответствующих различным моментам Страстей Христовых. Крестный путь в римском Колизее широко известен до наших дней. См.: *Clement O. Le chemin de croix à Rome. Via Crucis* 1998. P., 1998.

¹⁸ Processus Labre. vol. 2394, fol. 325 r.

ром Пасхальных предписаний, расходящийся с тем, что она лично слышала от падре. Второе обстоятельство, по ее мнению, не соответствующее истине, касается самой монахини. Так, в кратком сборнике приводится свидетельство некоего падре Ортанто, который заявляет, будто сама Дзокки и одна из ее подруг прежде были благожелательны к Угоднику Божьему Бенедетто Джузеппе, но позже поменяли свое мнение под влиянием падре Пиччилли. Монахиня вспоминает, что лишь однажды говорила о Лабре с падре Ортанто, и он восторженно рассказывал о чуде, якобы произошедшем с девицей Анжеликой Гарделлини. Монахиня удивилась, что падре, будучи советником в Конгрегации Обрядов не учитывает, что женщины подвержены многим недугам, которые на деле таковыми не являются, а объясняются простыми судорогами и сходными неудобствами. Она повествует: «Я сама на некоторое время лишалась голоса, как вышеназванная девица, и казалось, что язык запал, и я не могла говорить и с трудом изъяснялась, но это была лишь такая болезнь; когда она естественным образом проходила и конвульсии прекращались, я могла разговаривать как раньше, а когда конвульсии возобновлялись, я теряла голос. Поэтому я думаю, что то же самое произошло и с той девицей, тем более, падре должен был знать, что у женщин сильна игра воображения и фантазия. И в этом разговоре совсем не был упомянут падре Пиччилли. На каком же основании он утверждал, что мы изменили мнение под влиянием падре Пиччилли?»¹⁹. Имя падре Пиччилли, всплывающее в этом рассказе, чрезвычайно значимо, к фигуре этого священника мы обратимся немного позже. Пока же продолжим анализ критики, выдвинутой монахиней против различных публикаций о Лабре.

Дзокки опровергает некоторые сообщения об обстоятельствах смерти Лабра. По версии, которая была озвучена в материалах процесса, а затем воспроизведена в биографии, написанной Маркони, первым биографом и последним исповедником подвижника, а далее во всех житиях Лабра, к часу ночи, когда тот скончался, по всему городу зазвонили колокола, а дети на улице стали кричать, что умер святой. Опросив жившего неподалеку священника и домочадцев Заккарелли и не найдя тому подтверждения, монахиня приходит к выводу, что написанное Маркони неверно. Далее она не согласна с

---

¹⁹ Ibid., fol. 325 v.-326 v.

тем, что на умершего сразу же приходили смотреть: «когда утром в Страстной четверг, по настоянию падре Бьяджо Пиччилли, я отправилась посмотреть на тело Угодника Божия, я не нашла там никого кроме домочадцев Заккарелли. Впрочем, вернувшись после обеда, я обнаружила там несколько человек». И монахиня с чувством заявляет: «Что касается этого обстоятельства, то мной овладел гнев, я закрыла и отложила книгу, говоря про себя: Если так пишется жития святых, кто может им верить?». Затем Дзокки рассуждает о том, могли ли в ночь смерти Лабра звонить колокола: «Впрочем, не было ничего странного, если бы колокол Санта Мария Маджоре звонил в час ночи: правда, что он всегда звонит в два часа, но также верно, что он звонит в час ночи, когда приходит приказ всем колоколам звонить в час ночи для какой-либо общей молитвы Господу нашему. Значит, в то время был такой приказ и в час ночи звонили все колокола, а следовательно и колокол Санта Мария Маджоре, и я не могла не узнать об этом, поскольку моя школа на Виа Грациоза находится недалеко от базилики. По этим причинам я потеряла всякое доверие, но пока не к Угоднику Божьему, а скорее к вышеупомянутому житию, тем более, что его автор синьор Маркони говорит, что исповедовал его несколько раз тайно в привратничкой, а затем рассказывает столько всего, как будто слышанного от него самого. И я не могла понять, как он, слушав его столь недолго и почти тайком, может столько знать о нем, сколько изложено в житии, а потому, чтобы не ломать себе голову, я подумала, что лучше отложить чтение, и, действительно, больше к нему не возвращалась»²⁰.

Следовательно, житие, составленное Маркони, неудовлетворительно с двух точек зрения: во-первых, виденное самой монахиней и слышанное ей от других лиц не соответствует сообщениям жития, во-вторых, осведомленность Маркони в целом не вызывает доверия: «Я подтверждаю мои сомнения в тех вещах, которые рассказывает синьор Маркони в написанном им житии. Читая его, кажется, что Маркони очень хорошо его знал и постиг многие его добродетели и таланты, между тем, я слышала, что этот самый синьор аббат Маркони кому-то поведал, что хоть Лабр у него и исповедовался, но он, впрочем, не знал глубин его добродетелей и святости»²¹.

²⁰ Ibid., fol. 331 r.-331 v.

²¹ Ibid., fol. 338 r.

Однако, несмотря на многие сомнения, монахиня пытается сохранить объективность и не опровергает полностью положительных свидетельств о Лабре. Она признает, что лично встречала его и не видела, чтобы он совершал что-либо противоречащее церковным предписаниям: «Разумеется, я никогда не видела в его поведении ничего противоречащего божественным и церковным заповедям и обязанностям доброго христианина. Что он не исполнял некоторые предписания, я этого не отрицаю и не утверждаю, потому что, чтобы утверждать или отрицать это, нужно знать, были ли правдивы и реальны или же ложны и вымышлены те вышеупомянутые факты, из-за которых я изменила свое мнение об Угоднике Божьем. Но поскольку эти факты не были мною видены, а о них я узнала через другие источники, то я не могу быть в них так же уверена, как если бы видела это собственными глазами»²².

Шумное прославление недавно почившего нищего кажется Дзюкки необоснованным, но прямо отрицать его святость она не решается, ведь только компетентная комиссия, состоящая из высших чинов церковной иерархии, с одобрения папы может принять подобное решение, а простой монахине не пристало судить о добродетелях кандидата в святые. Поэтому в одном месте своих показаний она поясняет: «Впрочем, я должна объясниться. Дело не в том, что я совершенно не считаю его Угодником Божиим и убеждена, что он не пребывает в раю, в это я верю, но почитать ли его святым или нет, мне безразлично, и я жду решения Святого Престола, а когда будет объявлено это решение, я отрину все сомнения и подчиню свое мнение мнению Апостольской церкви. Я буду считать, что обманулась в своих сомнениях, а те причины, по которым эти сомнения зародились, несущественны. Таким образом, я не желаю ничего иного, кроме того, чтобы исполнилась воля Господня, и свершилось, то, что предпишет Святой Апостольский Престол касательно беатификации почтенного Угодника Божьего Бенедетто Джузеппе Лабре»²³.

В конечном итоге, такую же осмотрительность Дзюкки демонстрирует в вопросе о чудесах: «Основания моих сомнений сводятся к двум. Первое. Я проводила в церкви Мадонны деи Монти все утреннее время, желая увидеть какое-нибудь чудо, но мне этого ни ра-

---

²² Ibid., fol. 328 v.-329 v.

²³ Ibid., fol. 325 r.-v.

зу не удалось. Второе. Решив разузнать о некоторых из тех чудес, о которых столько слышно, я расценила их как несущественные или ложные или, по крайней мере, преувеличенные, подобно тому, что случилось с девицей Анжеликой Гарделлини, которая потеряла голос и говорила так, что ее едва можно было слышать, но не была немой, как обычно утверждали те, кто рассказывал об этом чуде, настаивая, что Угодник Божий вернул дар речи немой. Я признаю в этом факте нечто необыкновенное, это можно назвать Божьей милостью, но не чудом. Расценив как несущественные или ложные или, по крайней мере, преувеличенные многие из его предполагаемых чудес, я засомневалась и ныне сомневаюсь в правдивости остальных. Я их не исключаю, но и не принимаю на веру, а приму их на веру, когда они будут объявлены таковыми. И потом, кажется, что многие слишком легко верят во все эти чудеса, которые, как говорят, были совершены Господом через посредничество Бенедетто Джузеппе; многие слишком прямо их все отрицают; и кажется мне, что как первые, так и вторые ударяются в крайности, т.к. одинаково плохо слишком верить и не верить вовсе. И я, чтобы не впасть ни в первое, ни во второе заблуждение, считаю, что лучше не высказывать сейчас собственного суждения и сомневаться, а после подчиниться решению, которое примет Святая Апостольская Церковь»²⁴.

Итак, монахиня подозревает, что Лабр был заражен янсенистскими заблуждениями, а потому воздерживался от причащения и выставлял напоказ строгость своей жизни. Он и вправду был благочестив, но этого недостаточно для его прославления, и благоразумный католик должен ожидать решения Святого Престола, а не возносить почести раньше времени. Возможно, разочарование Дзокки вызвано тем, что ее семья не получила заступничества от повсеместно прославляемого угодника Божьего, и подкреплено скептическими настроениями и нелестными разговорами о Лабре среди некоторых священников. Между тем необходимо вернуться к имени падре Пиччилли, упомянутому в показаниях Дзокки, ведь этот человек был ее исповедником и духовным наставником. Читая его показания, мы найдем истоки многих утверждений рассудительной монахини.

С первых слов отца Бьяджо Пиччилли, зафиксированных в материалах канонизации, перед нами раскрывается страстная натура

---

²⁴ Ibid., fol. 344 r.-345 r.

этого священника, который перешел от горячего почитания Бенуа Лабра к полному опровержению его чудес и добродетелей. Страницы, содержащие показания Пиччилли, читаются как увлекательный роман. Если прочие свидетели часто ограничиваются сдержанными ответами на поставленные им вопросы, то ответы Пиччилли занимают по несколько страниц. Нередко падре не ждет, чтобы ему задали вопрос, а сам развернуто и эмоционально принимается излагать свои соображения; он вспоминает слышанное от других лиц, интерпретирует известные ему факты, выносит суждения, основанные на собственном понимании церковной доктрины и обычаев.

Во всех заявлениях Пиччилли отчетливо просвечивает ущемленное самолюбие священника, изгнанного собратьями по конгрегации. Не удивительно, что свои показания Пиччилли начинает с тирады, цель которой состоит в упрочении собственной репутации. «Многие годы я был членом конгрегации Пии Операи²⁵, в которой исполнял различные и почетные обязанности. Но после я оставил ее не по собственной воле, но из-за интриг одного из членов конгрегации, имени которого я не называю, при недовольстве всех добрых братьев, которые говорили, что я всегда был безупречен, был настоящим святым и отличался добрыми нравами, и что я был короной Пии Операи. И поэтому потом некоторые просили меня вернуться, и когда бы я захотел, они бы приехали за мной в карете. И падре Дон Роберто Камерленге, приехавший в Рим по делу, сообщил мне, что если бы я захотел вернуться, то стал бы ректором Сан Никола, главной церкви нашей конгрегации в Неаполе²⁶. Между тем я не обращал внимания на эти интриги, поскольку моя честь была вне опасности, я был всем известен и особенно известен Святейшему Отцу нашему, счастливо правящему, Пию Шестому, который назло тем, кто этого не желал, распорядился, чтобы я оставался советником по обрядам. Кажется ли вам, что этого

---

²⁵ Конгрегация Пии Операи («благочестивых тружеников») была основана Карло Карафа в 1602 г. для помощи и обучения крестьян и жителей городских окраин. Настоящее имя получила в 1621 г., до этого называлась Конгрегацией Христианской доктрины. В ведении этой конгрегации находилась церковь Мадонны деи Монти, где был похоронен Б.-Ж. Лабр.

²⁶ Вероятно имеется в виду церковь Святого Николая Милосердного в Неаполе, которая также находилась в ведении конгрегации.

недостаточно, чтобы гарантировать надежность моей репутации? Сейчас я полностью доволен и любим, уважаем и почитаем всеми Отцами Базильянами²⁷, которыми я был принят после моего выхода из Конгрегации, у них я был и остаюсь и милостью Божьей делаю немного добра, исповедую бедных людей, которые приходят в церковь, и по Божьему милосердию все довольны»²⁸.

Итак, как известно уже из показаний других свидетелей, первоначально Пиччилли, как и другие Пии Операи, восторженно относился к Лабру, похороненному в их церкви. Он даже патетично называл его невинным ягненком, умершим в доме мясника. Один из бывших братьев Пиччилли вспоминает: «сначала этот священник говорил с таким одобрением и уважением о Бенедетто Джузеппе, что это доходило до крайностей, и я самолично был свидетелем и слышал несколько раз, как он говорил о нашем Угоднике Божьем так высокопарно, что было очевидно, какое большое уважение он к нему питает. Затем он изменил свои речи, и я слышал от знакомых, что он называл нашего Угодника Божьего еретиком, лицемером и другими подобными словами; говорят, что он выказывал презрение к памяти Угодника Божьего. Я точно не знаю причин, по которым он так изменился. Но я знаю, что все мудрые люди осудили его поведение и что наши священники были возмущены тем, что однажды у всех на виду он сжег веревку и некоторые другие вещи, которыми пользовался Бенедетто и которые до того времени он берег как драгоценные реликвии. И я встретил его в тот момент, когда он совком собирал тот пепел и собирался рассеять его на людном месте»²⁹.

А вот показания другого священника конгрегации Паскуале Марии Сантулли, записанные в 1785 г.: «Еще сегодня утром я исповедовал в нашей церкви немалое число чужеземцев, которые сообщили, что пришли посетить могилу Угодника Божьего. И хотя падре дон Бьяджо Пиччилли, мною упомянутый, отвращал верующих от почитания Бенедетто, несмотря на это, вопреки его намерению пол-

---

²⁷ Отцы Базильяне — монахи, живущие по уставу, введенному Св. Василием Великим. Орден был основан итальянскими монахами греческого происхождения и утвержден папой Григорием XIII в 1579 г.

²⁸ Processus Labre. vol. 2388, fol. 3761 v.

²⁹ Processus Labre. vol. 2395, fol. 54 r.-54 v.

ностью уничтожить подобное почитание, оставались люди, оскорбленные его образом действий. Я знаю это, потому что многие люди, отправившись к этому падре на исповедь, были спрошены им, зачем они пришли в эту церковь. Если они отвечали, что пришли посетить могилу Бенедетто, он прогонял их из исповедальни, не хотел больше слушать и кричал им, что Бенедетто был простым смертным, как и все, и что его могилу не следует посещать. Многие из этих людей потом приходили в мою исповедальню и жаловались на то, как с ними обошелся этот священник, их оскорбляли его речи, и еще есть некоторые, кто до сих пор глубоко им обижен. Я всегда старался принять этих людей, извиниться за поведение этого священника наилучшим образом и я объяснял им, что Угодники Божьи часто сталкиваются с подобной неприязнью и Господь позволяет ненавидеть их, чтобы затем сильнее их прославить»³⁰.

Сообщая в деталях все известное ему о Лабре, падре пришлось объяснять, почему он в нем разочаровался. Это было нелегко, ведь прочие свидетели часто говорили, что прежде Пиччилли превозносил до крайности добродетели нищего, а после так же резко опровергал их. Пиччилли пытается сгладить контрасты своего поведения, но это особенно трудно, когда речь заходит об инциденте с веревкой. Однажды в церкви при стечении народа на могиле Лабра падре вынес веревку, которой подпоясывался нищий, и позволил многочисленным желающим прикладываться к ней. Такое необдуманное действие противоречило церковным правилам, поскольку означало публичное проявление культа умершего, который еще не был официально прославлен Католической церковью. Это нарушение дисциплины было осуждено другими священниками из конгрегации Пии Операй³¹. От одной крайности Пиччилли вскоре переходит к другой:

---

³⁰ Ibid., fol. 60 v.-61 v.

³¹ Вот показания Сантулли: «Однажды наш падре Бьяджо Пиччилли дал многим людям целовать ту веревку, которой подпоясывался Угодник Божий. Я при этом не присутствовал, но вскоре услышал об этом от наших отцов, которые единодушно осудили такой поступок и высказали ему свои упреки, тем более, что он тогда находился в исповедальне и был облачен в сутану и епитрахиль. Не знаю, какое оправдание он нашел, но знаю, что подобное случилось лишь однажды и, если я не ошибаюсь, в то время, когда тело Бенедетто оставалось на всеобщем обозрении». *Processus Labre*. vol. 2395, fol. 64 r.-64 v.

некоторое время спустя после инцидента в церкви он сжигает ту самую веревку, которую давал лобызать почитателям Лабра, и развеивает пепел в людном месте. Естественно, тем самым он вновь вызывает недовольство как народа, так и священников из конгрегации, которые активно участвовали в деле прославления благочестивого нищего, похороненного в церкви Мадонны деи Монти. Объясняя такое поведение, Пиччилли рисует следующую картину: сначала, разделяя всеобщее воодушевление паломников, он лишь позволил поцеловать веревку, не сопровождая это действие молитвами, присущими акту почитания подлинной реликвии. Затем, разочаровавшись в добродетелях кандидата в святые, он счел свой поступок ошибочным и сжег ту самую веревку, чтобы избежать дальнейших крайностей в почитании святого, который таковым не является. Вот его слова: «Одна женщина хотела взять частицу веревки или хотя бы поцеловать ее, это известие достигло ушей других людей, которые захотели сделать то же самое. Я, подумав, что в церкви не было Святого Причастия, а из-за давки и перешептываний это больше походило на площадь, чем на церковь, решил сделать немного добра, надеясь при этом увидеть какое-либо чудо, раз уж о них столько говорили, а я еще не смог этого проверить. И так, по мере того, как люди подходили, я передавал им из рук в руки веревку, чтобы поцеловать ее, однако при этом не говорил тех слов, которые обычно говорятся, когда дают целовать реликвии святых»³². «И я точно знал, что не сделал ничего, что противоречило бы общим правилам»³³.

Не довольствуясь самооправданием, в некоторые моменты дачи показаний, Пиччилли переходит в наступление и разоблачает проявления культа, допущенные бывшими собратьями: «И если уж меня критиковали, то пусть станет также известно то, что делали другие. Меня критиковали за веревку и за проповедь. И за это отец ректор Пальма запретил мне проповедовать и занял мое место. А затем он сам не удержался от того, чтобы воздавать славословия Бенедетто Джузеппе с церковной кафедры»³⁴. Он сообщает, что один из священников отправлял тех, кто исповедовался у него, молиться на могиле Лабра, а также ученики пансиона Мадонны деи

³² Processus Labre. vol. 2388, fol. 3869 r.-3869 v.

³³ Ibid., fol. 3870 v.

³⁴ Ibid., fol. 3889 r.

Монти получили чей-то приказ посетить могилу Лабра³⁵. Падре добавляет, что в ту пору, когда верил в святость нищего, он предлагал своим прихожанам молиться на его могиле, но при этом всегда требовал соблюдать необходимые приличия (из показаний Дзокки мы видели, что сам Пиччилли направил ее поклониться телу Лабра в дом Заккарелли). Впрочем, обличая все неподобающие действия, происходившие вокруг погребения Лабра, он называет их стечением обстоятельств, которым в своих целях воспользовались священники, и не винит самого подвижника: «в том, что происходило, не было вины покойного Бенедетто Джузеппе»³⁶.

В отличие от своей духовной дочери, падре Пиччилли более категоричен в оценках. Если Дзокки полагается на будущее решение Церкви относительно святости Лабра, то Пиччилли прямо заявляет: «Я не только не желаю его беатификации, но даже желаю обратного, поскольку, согласно тем сведениям, которые я имею и которые откровенно изложу, я не считаю его достойным подобной чести»³⁷. Как и монахиня, падре Пиччилли излагает эволюцию своего отношения к нищему страннику: «Я изменил свое мнение не при жизни Угодника Божьего. Напротив, я изменил его позже, когда собрал о нем различные известия, которые заставили меня размышлять о том, о чем я раньше не размышлял. И еще мои мысли смутили те чудеса, о которых заявляли после его смерти и которые не были правдивы, а ложные чудеса заставили меня также сомневаться в поступках, которые внешне казались добродетельными и похвальными»³⁸. Примечательно также, что по сравнению с Терезой Дзокки и прочими свидетелями падре Пиччилли редко называет Лабра Угодником Божьим, предпочитая употреблять имя Бенедетто Джузеппе.

Итак, рассмотрим упреки, выдвинутые падре Пиччилли в адрес Лабра. Отметим, что с самого начала показаний священник доказывает правоту своих суждений тем, что лично знал блаженного: «Я прекрасно знал Угодника Божьего Бенедетто Джузеппе Лабре и не знаю, был ли в Риме кто-то, кто знал бы его столь же долго, как я»³⁹.

---

³⁵ Ibid., fol. 3910 r.

³⁶ Ibid., fol. 3911 v.

³⁷ Ibid., fol. 3770 r.-3770 v.

³⁸ Ibid., fol. 3785 r.

³⁹ Ibid., fol. 3764 v.

Благочестие Лабра сложно полностью отрицать, ведь нашлось множество свидетелей его набожного поведения. Падре и сам свидетельствует: «Я никогда не замечал в нем никакой примеси притворства, которое заметно в некоторых, как то — вздохи, биение себя в грудь, воздевание рук и подобные жесты, — он вел себя очень естественно, и в нем не было ничего притворного»⁴⁰. Однако эту набожность можно по-разному истолковывать. Крайняя набожность нищего превозносилась всеми его биографами, которые считали постоянное нахождение в молитве лучшим доказательством того, что Лабр не имел иных попечений, кроме заботы о душе⁴¹. Но в рассуждениях падре чувствуется скептическая нотка: «Впрочем, поскольку он был безработным, ему было нечего делать и он пользовался полной свободой, то не удивительно, что он проводил столько времени в церкви»⁴². Так парадоксально этот служитель Церкви переворачивает привычное объяснение: дело не в том, что Лабр, сгорая от любви к Господу, отказался от любых земных забот и полностью посвятил себя молитве, а в том, что, не имея определенных занятий, он просто проводил свободное время в церкви. Но, в другом месте Пиччилли связывает молитвы Лабра с ересью янсенизма. Он отмечает, что «обыкновенно Бенедетто Джузеппе погружался в долгие молитвы перед Святым причастием на виду у множества людей, у балюстрады. Молитвы перед Причастием — да. Причащение — нет. Я много размышлял о его суровых покаяниях, и можно было бы сказать, что вся его жизнь была непрерывным самоумерщвлением, и это второй признак янсенизма. Третий заключается в том, что он не был искренен с исповедниками»⁴³. Как и у Дзокки, у падре подозрение в приверженности янсенизму становится основой для развенчания Лабра. Долгие молитвы трактуются как черта показной янсенистской набожности. Рассмотрим два других упрека — воздержание от причастия и неискренность с исповедниками.

---

⁴⁰ Ibid., fol. 3788 v.

⁴¹ В агиографию даже вошел эпитет «нищий Сорока Часов», который дали Лабру местные жители за его любовь к католической практике, которая заключается в том, что в течение сорока часов по очереди в главных церквях города выставляется для поклонения Святое Причастие и совершаются молебствия.

⁴² Processus Labre. vol. 2388, fol. 3789 v.-3790 r.

⁴³ Ibid., fol. 3901 v.-3902 r.

Уклончивость Лабра в отношении причащения вызвала много препон в ходе канонизационного процесса. Пиччилли особенно акцентирует эту щекотливую тему: «Я знаю, что на теле покойного были обнаружены многочисленные бумаги, свидетельства, удостоверения из разных мест и святыниц, куда он отправлялся в паломничества, но среди стольких бумаг и свидетельств не нашлось ни одного, которое подтверждало бы исповедь и причащение в каком-либо месте»⁴⁴. И далее все действия Лабра падре интерпретирует как направленные на воздержание от причастия: на время Пасхи он уходил в Лорето, где никто не мог проконтролировать, причащался ли он; перед смертью он отказался отправиться в госпиталь, опасаясь, что его принудят исповедаться и причаститься, умирая, он притворился бесчувственным, чтобы вновь избежать причащения⁴⁵.

Особенно важен был вопрос о том, причастился ли Лабр перед смертью, ведь это является необходимым условием благой кончины, ниспосылаемой праведникам. Апологеты Лабра утверждали, что перед смертью он находился в бессознательном состоянии, но причастился накануне, а значит — исполнил свой христианский долг. Пиччилли рисует совсем иную, неприглядную картину: утром «он заказал стакан водки, не знаю ценой в баиок или в половину, выпил его и после отправился в церковь Мадонны деи Монти, и это мне рассказал после смерти Бенедетто бакалейщик, и я рассказываю это, чтобы показать, насколько ложно и вымышлено то, что кое-кто рассказывает, будто бы он тем утром причастился. Как он мог это сделать? В какой церкви он причастился? До того, как он выпил водки, церкви были закрыты. А после он не мог этого сделать»⁴⁶. Интересно, что этот сюжет оказался все-таки воспринят агиографией, но в поздних жизнеописаниях Лабра будет упоминаться отнюдь не стакан водки, а стакан уксуса, и это обстоятельство послужит уподоблению кончины Лабра Страстям Христовым.

Пиччилли утверждает, что еще при жизни Лабра он пытался проверить свои сомнения относительно уклонения того от причастия и, служа мессу, останавливался рядом с Лабром, демонстрируя желание причастить его, но Лабр ни разу не откликнулся на при-

---

⁴⁴ Ibid., fol. 3799 r.-3799 v.

⁴⁵ Ibid., fol. 3903 v.

⁴⁶ Ibid., fol. 3815 r.

зыв. В глазах Пиччилли важность причащения неоспорима, и, по его мнению, этот акт несет некий назидательный смысл: «Лучше бы он меньше молился, но чаще показывал, что причащается, так он дал бы народу добрый пример, снискал бы больше уважения»⁴⁷.

Неискренность с духовными наставниками — тяжкий грех для христианина, так как свидетельствует о своеволии и отсутствии смирения — важнейшей добродетели верующего. Это янсенистское прегрешение Пиччилли также относит на счет Лабра. Вот откуда он выводит свое убеждение в неискренности французского странника: «Читая опубликованное житие, составленное аббатом Маркони, я обнаружил различные недостатки в поступках Бенедетто. Я считаю, что он не был совершенно послушен повелениям своего духовного наставника, т.е. этого самого аббата Маркони, и не отвечал подобающе на его вопросы, и поэтому я и сказал выше, имея на то основания, что Бенедетто не был покорен своим исповедникам, а слушался собственной воли. Это является недостатком, недостатком отвратительным для истинной добродетели и истинной святости. И если верно, что все те, кто хвастается этим, действительно исповедовали его, то видно, что он менял исповедников, и тот же адвокат Алежиани, ведущий его дело, насчитывает семь исповедников. И это также отвратительно для святости. Более того, я считаю, что он не был искренен со своими исповедниками, поскольку, как я предполагаю, он никогда не открывал аббату Маркони того обстоятельства, что был монахом. Я так думаю, потому что об этом обстоятельстве не говорится в житии, а потом аббат Маркони узнал, что тот был монахом, когда увидел документы, обнаруженные при покойном. Так я предполагаю и верю, что именно по этой причине, а не потому, что узнал об этом из его собственных уст, Маркони включил это обстоятельство в похвальную речь»⁴⁸. Янсенистской ересью, по мнению падре, Лабр заразился еще в юном возрасте; хоть он и называет причиной невежество, а не злой умысел, последствия все же оказываются плачевны — идя по неверному пути, Лабр уклонялся от правильного руководства Католической церкви, представленной в лице его духовных наставников⁴⁹: «Еще на мое

⁴⁷ Ibid., fol. 3902 v.

⁴⁸ Ibid., fol. 3898 v.-3899 r.

⁴⁹ Пиччилли даже намекает на неуважение Лабра к главе Католической

мнение сильно повлияло то, из-за чего я и потерял веру в Бенедетто Джузеппе и его святость, это подозрение, закравшееся в мой ум о том, что он мог быть заражен заблуждениями янсенистов, но не по злонамеренности, а по невежеству. Я думаю, что он был пропитан ими, потому что, пока находился у своего дяди-священника, он все время развлекался чтением и, вероятно, читал янсенистских авторов и забил себе голову идеями, противоречащими правильной доктрине Святой Римской Католической Церкви»⁵⁰. Главным доказательством янсенистских склонностей Лабра стали его письма к родителям: «сочинения Слепого отца, которые он читал и внушал читать своим родителям, возбудили мои сомнения, и я подумал, что он прочел эти сочинения слишком рано, в незрелом возрасте, и забил себе голову опасными идеями, и потому принял решение посвятить себя монашеской жизни в каком-либо одном из самых строгих монастырей. И действительно, в житии, которое позже было опубликовано, я обнаружил, что он семь раз пытался поступить в какой-либо строгий монашеский орден, но потом не упорствовал в этом и склонился к жизни паломника. По этим делам я догадался, что его дух был смятен, непостоянен и он слишком любил своеволие. И потом я в воображении следовал за Бенедетто в соответствии с его образом жизни в Риме и мне казалось, что это сходится с тем, что я о нем заключил, что он любил своеволие. И то, что я прочитал в опубликованном житии, в показаниях его исповедников, заставило меня поверить, что он не хотел им полностью подчиняться, и правда, если верно то, что рассказывает дон Карло Карецани, что когда Бенедетто явился к нему, он предупредил, что если тот хочет исповедоваться у него, то должен избавиться от вшей, Бенедетто Джузеппе больше к нему не вернулся; но лучше бы он послушался исповед-

---

церкви. Речь идет о показаниях Фортунато Заккарелли, сыне Франческо Заккарелли. Однажды он спросил Лабра, видел ли тот торжественный отъезд Папы из Рима в Вену, на что Лабр ответил: «К чему смотреть на него? Нужно молить за него Господа». Фортунато просил и за него молиться Господу. На это Лабр, ничего не ответив, просто кивнул головой и ушел. См.: *Processus Labre*. vol. 2394. fol. 201 r.). Вспоминая об этом эпизоде, Пиччилли говорит: «Этот поворот головы и это пожимание плечами были интерпретированы мной как неуважение к Главе Церкви». *Processus Labre*. vol. 2388, fol. 3848 v.

⁵⁰ *Processus Labre*. vol. 2388, fol. 3899 v.-3900 r.

ника и избавился от вшей. И вот к чему я хочу вернуться. Дон Карло Карецани, который лишь однажды выслушал исповедь Бенедетто Джузеппе, дает длиннейшие показания, которые никак не кончаются. Все эти обстоятельства заставили меня сомневаться в его святости, потому что, если, с одной стороны, я считал добродетельными некоторые его поступки, которые я сам заметил, с другой стороны, мне казалось, что я обнаружил в нем недостатки и прегрешения, которые не соответствуют героическим добродетелям. Я слышал, что из Франции доставили некоторые бумаги, касающиеся известий о прежней жизни Бенедетто, и то, что мне сообщили, я посчитал сильно преувеличенным, однако я не взял на себя труд прочитать какую-либо из этих бумаг. Зато я прочитал письмо, отправленное им своим родителям в октябре тысяча семьсот шестьдесят девятого года, и по зрелом размышлении я нашел в нем много выражений, которые следует подвергнуть цензуре, я думаю, что это сделает тот, кто займется ими в Святой Конгрегации Обрядов, и особенно мне кажется, что там встречаются недостаточно ясные выражения, которые могут дать основание посчитать, что он не был хорошо образован в вопросе о божественной благодати⁵¹.

Интересно, что выдвигая всевозможные обвинения против благочестивого нищего, падре порой сам себе противоречит и даже отдает себе в этом отчет. Так, к примеру, относя долгие молитвы к следованию доктрине янсенизма, он одновременно связывает их с молинизмом⁵² и поясняет: «если спросить меня, как сочетаются вместе янсенизм и молинизм, два диаметрально противоположных заблуждения, я отвечу — пусть об этом судят те, кому пристало судить, я же не хочу говорить ничего сверх того, что уже сказал»⁵³.

Рисуя духовный портрет Лабра, Пиччилли не жалеет ярких красок. Если все биографы прославляют кончину святого, то непримиримый падре описывает ее в иронично-обличительном духе: «И он позволил уложить себя в постель, где спала женщина, девица Анна, дочь мясника, зная об опасности дурных соблазнов, которые могли настичь его в последние моменты жизни. В больницу — нет, в

⁵¹ Ibid., fol. 3884 v.-3886 r.

⁵² Молинизм — философское течение, питающееся идеями Луиса Молины (1535–1600) о свободе воли и случайности.

⁵³ Processus Labre. vol. 2388, fol. 3907 r.

дом Заккарелли — да. Туда, где мог получить духовную поддержку, — нет, в дом мясника — да. На больничную койку — нет, в постель женщины — да. И где же была добродетель, и где же была святость?»⁵⁴. Обвинения в адрес паломника били точно в цель и были обличены в яркую запоминающуюся форму. Разъясняя свою мысль, Пиччилли выстраивает длинную логическую конструкцию: Лабр знал, что у мясника была жена и дочь, а кровать в той комнате, куда его принесли была односпальной, и умирающий видел дочь мясника в комнате, а потому должен был догадаться, что именно ей и принадлежала постель, куда его собирались уложить. Впрочем, падре вынужден признать, что Лабр не желал, чтобы его клали в постель, но и это упорство священник толкует в негативном ключе: по его мнению, Лабр даже последние часы своего земного существования желал провести в строгом покаянии и самоумерщвлении, а потому желал умереть на полу, но подобное поведение вновь напоминает о янсенистских заблуждениях.

Поставив под сомнение всеобщее убеждение в добродетелях Лабра, падре развенчивает приписываемые тому чудеса — второе основание, необходимое для канонизации любого подвижника. Рассказам о нахождении Лабра одновременно в разных местах он находит логичные объяснения: «я сам думаю, что те, кто это утверждают, видели какого-нибудь другого бедняка и поверили, что это был Бенедетто Джузеппе, а может даже они его совсем не видели, а придумали это, чтобы быть названными среди тех, кто знает самые удивительные вещи об Угоднике Божьем»⁵⁵. Широко распространилось известие о том, что тело Лабра оставалось гибким после смерти, а когда доктора его переворачивали, рука якобы сама опиралась на край скамьи и тело поддерживало себя. Отчет об осмотре тела с описанием этого чуда даже был включен в опубликованное Маркони житие. Между тем Пиччилли приводит прозаическое объяснение, исключаящее сверхъестественное вмешательство: «это было естественно, поскольку труп был приподнят, а так как он оставался гибким, то рука упала и касалась внутреннего края скамьи, а предубеждение заставило поверить, что так он поддерживал себя»⁵⁶.

---

⁵⁴ Ibid., fol. 3905 r.

⁵⁵ Ibid., fol. 3808 r.-3808 v.

⁵⁶ Ibid., fol. 3861 v.

В действительности, прижизненных чудес Лабра было зафиксировано крайне мало, и когда только начался процесс канонизации, информация о них еще не успела дойти до Рима. Зато распространилось множество сообщений о чудесах, свершившихся на его могиле. Эти чудеса вызывают полное недоверие у Пиччилли: «Пока был жив Бенедетто Джузеппе, я ни разу не слышал, чтобы он был наделен сверхъестественными способностями. Об этом я услышал после его смерти, эти сообщения я встретил как в повседневной жизни, так и в показаниях свидетелей, которые были напечатаны в кратком очерке, подготовленном для начала процесса. Но я в эти способности совершенно не верю, а кто сообщает о них, следует своей фантазии, а не действительности. Так, например, благочестивая синьора Маддалена Майо, которую выслушали при сборе сведений, говорит, что не раз видела, как в церкви Мадонны деи Монти Угодник Божий впадал в экстаз. Я имел возможность наблюдать за ним дольше, чем эта синьора, но ни разу подобного не видел, нет и других, кто мог бы утверждать, что видел его в экстазе, а если бы это было правдой, то наделало бы много шума. А раз шума не было, значит, это не правда. Я вам скажу, почему эта Маддалена Майо говорит, что видела его в экстазе. Она видела несколько раз, как он сильно задирает голову, и бедная набожная женщина, благочестивая, но невежественная, думала, что это и было экстазом. Многие не понимают, что такое экстаз, здесь нужны знающие люди. Я знаю, в чем состоит экстаз, и никогда не верил, что эти запрокидывания головы были экстазом, а думал, что скорее это был результат устремления духа к Господу, когда Бенедетто Джузеппе погружался в молитву. Итак, я заключаю, что все это проистекает из воображения набожных людей, и думаю, что Бенедетто Джузеппе через эти запрокидывания головы хотел научить их, как нужно молиться и как нужно держаться в церкви перед лицом Господа, а не забавляться и ходить, глядя туда-сюда»⁵⁷.

Но, по мнению Пиччилли, не только невинное невежество служит причиной распространения ложных известий, заинтересованные лица умело использовали обстановку всеобщего возбуждения и придумывали несуществующие чудеса: «но если эти разговоры о способностях проистекают от воображения и благочестивого легкове-

---

⁵⁷ Ibid., fol. 3802 r.-3803 r.

рия или каких-то схожих причин, то, несомненно, существуют другие пророчества, которые, по-моему, были придуманы специально, чтобы согласовать их с теми событиями, которые потом случились. После смерти Бенедетто Джузеппе из-за большого стечения народа и давки, которая образовалась в церкви Мадонны деи Монти, были совершены многочисленные непочтительные и оскверняющие церковью поступки и даже грехи, и чтобы избежать еще больших беспорядков из церкви было вынесено Святое причастие, прекратили совершать мессы, и несколько дней церковь оставалась закрытой, иначе она превратилась бы в настоящий хлев. И вот как случились все эти события, тут и появилось некое пророчество Бенедетто Джузеппе, который перед смертью якобы поведал своему исповеднику синьору аббату Маркони обо всем том, что должно было случиться после его смерти, что для воздаяния почестей его презренному телу будет осквернена церковь, и перед Святым причастием не выкажут должного почтения. Я не буду описывать все обстоятельства этого предполагаемого и прославляемого видения и пророчества, их можно вычитать как в Кратком очерке, так и в житии. Зато я скажу, что прежде об этом видении и пророчестве ничего не было известно. Скажу, что аббат Маркони об этом даже не вспоминал, и как мне было сообщено от других лиц, и в частности от синьора Томмазо Сальватори, который придя в мою комнату, рассказывал мне о случившемся и поведал слышанное от самого аббата Маркони, что некоторые друзья заставили его вспомнить касательно пророчества и видения то, что он сам не мог припомнить. Моя мысль состоит в том, что этим способом воспользовались, чтобы оправдать те непристойности, которые происходили в церкви, и внушить доверие к Бенедетто Джузеппе, т. к. стало ясно, каким безрассудством было похоронить Бенедетто Джузеппе рядом с алтарем, где многие, чтобы почтить Лабра, должны были проявить непочтение к Святому причастию. Самое малое, что я мог сделать, это не указывать на неосмотрительность аббата Маркони, который сообщает, но не удостоверяет подлинности факта, т. е. этого предполагаемого видения и пророчества. Он бы должен был просветить своего исповедующегося и расспросить его, чтобы точнее выяснить, что тот думал, потому что, по здравому рассуждению, кажется, что Угодник Божий высоко себя ценил и верил, что достоин быть почитаем как святой, верил, что после смерти будет удостоен таких же почестей, какие полага-

ются настоящим святым, более того, возможно он верил, что достоин почестей, которые воздают Святому Причастию. И эта ошибка, эта тяжкая ошибка, должна была заставить аббата Маркони просветить Бенедетто и заставить его понять, что он впал в заблуждение. Впрочем, я говорил так, как если бы этот факт был реален, хотя я в это не верю и считаю, что это придумали специально, чтобы скрыть грубую ошибку, что его похоронили рядом с алтарем, где происходит пресуществление, потому что, если бы его похоронили не там, а в каком-либо другом месте, а могли бы это сделать в ближнем проходе, где вроде бы произошли первые чудеса, тогда не случилось бы столько беспорядков, волнений, проявлений неуважения, кощунств, которые не прекращаются до сих пор, а случаются и ныне. Месяц за месяцем приходили люди в церковь, и даже когда было выставлено на обозрение Святое причастие, не преклонив колен, направлялись тотчас к могиле Угодника Божьего и, повернувшись спиной к Святому Причастию, бросались лицом вниз на плиту, которая лежит на могиле. Поэтому я, радея о славе Господней и чести его церкви, несколько раз выходил из исповедальни, чтобы прикрикнуть на них или же кричал прямо из исповедальни, и кричал им громко и звучно, потому что хотел, чтобы меня услышали все, чтобы после моего предупреждения не осмеливались совершать подобные кощунства. И я кричал: «Почему вы поклоняетесь Бенедетто, который лежит под землей, как можно обращать спину к Христу Распятому и не почитать его, как то полагается?» Но я напрасно говорил, напрасно кричал, они меня не слушали и продолжали делать то же самое»⁵⁸.

Критика Пиччилли направлена против его бывших собратьев из конгрегации Пии Операи. Именно в их ведении находилась церковь Мадонны деи Монти, с их согласия нищий был похоронен рядом с алтарем, и на них лежит ответственность за происходившие в церкви непристойности. На фоне опрометчивости остальных священников Пиччилли подчеркивает собственную осмотрительность и радение о благе церкви. На протяжении всех показаний он дает понять, что, возможно, он единственный из Пии Операи, кто не увлекся призрачной славой новоиспеченного святого и всегда следовал церковным заповедям, в то время как другие умело использовали сложившуюся ситуацию в собственных интересах.

---

⁵⁸ Ibid., fol. 3803 v.-3805 v.

Не ограничиваясь развенчанием Лабра, Пиччилли стремится доказать, что прославление нищего было выгодно бывшим собратьям из конгрегации Пии Операри. По словам священника, однажды он «видел свечу на надгробном камне, но позже ее унесли. Это видели все, кто был в церкви, и сделали тот же вывод, какой сделал я, что это означало возносить культ умершему. Я спрашиваю себя, кто были эти люди, и отвечаю, что это были Пии Операри и некоторые светские лица, но я не припомню ни одного»⁵⁹. Несмотря на кажущуюся нелепость, это обвинение крайне серьезно, поскольку, согласно правилам Католической церкви, перед беатификацией проводилось расследование о том, не встречалось ли где-либо незаконных проявлений культа в отношении еще официально не признанного кандидата в святые. В таком случае необоснованная поспешность сторонников беатификации с зажжением свечи означала попытку публичного проявления культа и могла принести значительный вред делу прославления кандидата в святые.

Ставя под сомнение апологетические известия, Пиччилли сообщает о показаниях отца Томмазо Габрини, одного из исповедников Лабра: «он [Габрини] столько всего рассказал. Между тем он сам мне поведал, что Бенедетто заикался, и он не понимал его. Я спросил его, выяснил ли он, кем тот был, кем не был, был ли когда-нибудь монахом. И Габрини ответил, что никогда не делал подобных изысканий. И я тогда сказал: как я на его месте мог бы столько всего рассказать о человеке, которого не знал и не понимал?»⁶⁰. Но особенно разгромную критику падре Пиччилли обрушивает на опубликованное аббатом Маркони житие Лабра: «Аббат Маркони в предисловии к житию пишет следующие слова: “Эта жизнь, которая до настоящего времени казалась ничем не примечательной и которая, так сказать, была в забвении, сегодня оказывается наполненной интересными событиями, бесконечными обстоятельствами, подтвержденными многочисленными свидетелями, и становится поучительной во всех своих частях”. Кто такие эти свидетели? Сообщения, пришедшие из Франции? Документы, собранные там и сям. Приведенные слова принадлежат не Маркони, а взяты из одного письма, пришедшего из Франции, которое он пересказывает. И это убедило

---

⁵⁹ Ibid., fol. 3863 r.-3863 v.

⁶⁰ Processus Labre. vol. 2388, fol. 3800 r.

меня в том, что существует некое старание продвигать дело канонизации по другим причинам, далеким от дела прославления истинной святости. А затем аббат Маркони в том же предисловии говорит, что взялся написать житие, потому что другие написали и опубликовали о Бенедетто Джузеппе частично правдивые, частично ложные сведения. Он умело использовал этот оборот, чтобы заставить верить только тому, что пишет сам, под тем предлогом, что был его исповедником. Значит — он один говорит правду? Я этому не верю. Почему он не сообщил об истории с веревкой, из-за которой меня преследовали? То объяснение, что он мне дал, не годится. Я заключаю, что в житие он включил то, что ему казалось верным или нравилось»⁶¹. В целом, его оценку сочинения Маркони можно свести к следующему: «если бы я захотел перечислить и описать все замечания касательно его жития, которые заставили меня сменить мнение на противоположное, я бы никогда не закончил. Я ограничусь тем, что скажу, что этот аббат Маркони наполнил житие нелепостями, ерундой, противоречиями и преувеличениями»⁶².

Пиччилли упоминает и мнения других лиц, к примеру, супругов Сори (они жили в Лорето и часто давали приют Лабру), сообщивших, что глубоко разочарованы публикацией Маркони, в которой не упоминаются их имена, и многие описанные обстоятельства не соответствуют действительности⁶³. «Многие ученые люди, воспитанные и достойные, либо временно прекращали воздавать почести умершему, либо показывали, что не верят тому, что говорилось»⁶⁴.

Падре Пиччилли рисует совсем иную картину кончины паломника, чем та, что обычно воспроизводится в его житиях: «по-моему, случайные сопутствовавшие обстоятельства сильно повлияли если и не на само стечение народа, то, по крайней мере, на его количество. Эти обстоятельства — личность нищего, дом мясника, час ночи, звон колоколов, смерть в то время, как читались литании Деве Марии, хитрость, состоявшая в том, что тело перенесли и похоронили в нашей церкви, перенесение тела с погребальной торжественностью, гибкость тела, намерение снять посмертную маску для выполнения

---

⁶¹ Ibid., fol. 3900 r.-3901 r.

⁶² Ibid., fol. 3899 v.

⁶³ Ibid., fol. 3886 v.-3887 r.

⁶⁴ Ibid., fol. 3920 v.

портретов, тот факт, что его оставили непогребенным четыре дня и переносили то в ризницу, то в церковь, то в комнату рядом с хорами, то в коридор. Но больше всего способствовали волнению во всем Риме повсеместные разговоры о несуществующем чуде с ней, которая на самом деле страдала от конвульсий, но излечилась от недуга лишь силой воображения и фантазии. И так повсюду распространилось известие о еще одном чуде, якобы тело само себя поддерживало, опираясь рукой на скамью. Все эти события возбудили народ и привели к этому необычайному шумному столпотворению, которое я уподобляю землетрясению в душах. И мне кажется, что это немало. А потом везде распространялись и продавались его портреты, и еще был газетчик Нери, который по утрам и в течение дня приходил в церковь Мадонны деи Монти, а потом печатал на своих страницах и правду и вымысел о том, что происходило, и даже был один прелат, который спрашивал меня, был ли Нери братом Бенедетто Джузеппе, потому что в газете говорилось лишь о нем. И еще списки чудес, все служило для того, чтобы призывать народ, который стекался толпой, чтобы добиться милости Божьей или чтобы воспользоваться столпотворением для краж или прочих великих непристойностей, которые оскверняли церковь Господню»⁶⁵.

Прав ли был Пиччилли или все обвинения — лишь плод его раздражения и желания отомстить бывшим собратьям? Трудно судить о каждом из упоминаемых им обстоятельств в отдельности, но в целом можно заключить, что определенные круги способствовали распространению молвы о новом святом, хотя первые биографы, убеждают, что прославление благочестивого нищего было спонтанно. Например, Алежиани утверждает, что Бенуа-Жозеф не принадлежал ни к какой религиозной организации или ордену, который мог бы способствовать продвижению его культа, сверх того, он был бедным иностранцем. Но главное: «что касается распространения культа, если бы речь шла лишь о людях простых и необразованных, можно было бы поверить в опрометчивый порыв фанатизма, но речь идет о людях всех состояний, всех сословий и доходов, о мирянах и духовенстве, о людях просвещенных, благоразумных, осмотрительных, даже о высших церковных чинах, стоящих выше всяких подозрений, которые содействовали и до сих пор содействуют почитанию

---

⁶⁵ Ibid., fol. 3907 v.-3909 r.

могилы этого бедного паломника»⁶⁶. Высокопоставленные персоны выступают своего рода гарантией для нового святого. Эта мысль варьируется во множестве житий и показаний. Например, критикуемый Пиччилли падре Гаэтано Пальма подробно описывает богословские и кардинальные добродетели⁶⁷ Лабра и заключает, что «на основании этих добродетелей, дарований и чудес, слава и возгласы одобрения по поводу святости почтенного Угодника Божьего сделались повсеместными и затронули людей знатных, серьезных, образованных, религиозных, достойных доверия и стоящих вне подозрений, и эта слава день ото дня распространялась и ширилась»⁶⁸.

О том, что отцы Пи и Операи способствовали распространению молвы о Лабре, известно не только со слов Пиччилли. К примеру, уже упоминавшийся священник Паскуале Мария Сантулли вспомнил в ходе процесса, что «Падре Дон Гаэтано Пальма имеет различные вещи, находившиеся в пользовании Угодника Божьего, и он во многом количестве раздавал их тем, кто высказывал к тому желание». Впрочем, помня о недопустимости проявлений культа, священник добавляет: «Он хранил их в своей комнате, их не смешивали с реликвиями других святых и блаженных и никогда не выставляли на алтарях или в других местах для поклонения верующим»⁶⁹.

Итальянский историк Марина Каффьеро, изучившая обстоятельства прославления Лабра, пишет, что мясник Заккарелли был «влиятельным персонажем, не имеющим никакого отношения к “бедному” человеку из народа, описанному в агиографии Лабра, которая стремится сделать из мясника типичного представителя “простого народа”, того, кто, будучи простым и смиренным, сумел распознать святость бедного презренного бродяги»⁷⁰. Каффьеро также пишет о том, что в процессе «высоко присутствие свидетелей, при-

⁶⁶ *Alegiani G. B. Abrégé de la vie du Serviteur de Dieu Benoît J. Labre. Ecrite par J. B. Alegiani, avocat en la cause de sa Béatification. Rome, 1784. P. 58-59.*

⁶⁷ В католицизме добродетели делятся на кардинальные (воздержанность, мужество, мудрость и справедливость) и богословские, или теологические (вера, надежда, любовь), каждый кандидат в святые должен быть наделен этими добродетелями, для доказательства чего в ходе канонизационного процесса проводится специальное расследование.

⁶⁸ *Processus Labre. vol. 2394, fol. 50 r.-50 v.*

⁶⁹ *Ibid., fol. 81 r.-81 v.*

⁷⁰ *Caffiero M. La fabrique d'un saint à l'époque des Lumières. Paris, 2006. P. 161.*

надлежащих к простонародью, необразованных и часто мирян, в то время, как представители знати отсутствуют. Мясники, слуги, старые девы из небогатых семейств, сапожники, церковные и монастырские сторожа очень часто встречаются в актах двадцати пяти томов канонического процесса — ординарного и апостольского⁷¹, — и кажется, что их присутствие значительно и полностью соответствует канонизации “смирненного бедняка”. Между тем, если мы внимательно присмотримся к списку свидетелей, то незамедлительно обнаружим массивное присутствие, значительно более важное в качественном плане, духовенства и монахов, которые, на первый взгляд, вовлечены в жизненные перипетии Лабра, но также и в его посмертную судьбу: исповедники и биографы, как Маркони, Габриэли, Ровира Бонэ, отцы из конгрегации Пии Операи, в чьем ведении находилась церковь Мадонны деи Монти, которую посещал святой, и где находится его могила, многие бывшие иезуиты и много монахинь из конгрегации Маэстре Пии. Кроме того мы заметим, что многие из свидетелей простого происхождения, и в целом все миряне, связаны узами родства или духовного руководства со свидетелями из духовенства, чьи речи, кажется, воздействуют на них, как они сами и признают: их свидетельства строятся на основании того, что они слышат или узнают от других более влиятельных персонажей⁷². Это видно при сопоставлении свидетельств падре Пиччилли и его духовной дочери. Монахиня Тереза Дзокки воспроизводит все основные пункты обвинений в адрес Лабра, прозвучавшие из уст Пиччилли, и нередко ссылается на «слышанное от кого-то».

Итак, может показаться, что перед нами всего лишь история оскорбленного самолюбия. Падре Пиччилли, всем сердцем жаждавший выступать постулатором в канонизационном процессе, в результате интриг не только не получил желаемого, но и был изгнан из конгрегации. В отместку он всячески противодействовал признанию святого и раскрывал механизмы его прославления. Он умело оспа-

---

⁷¹ Процесс канонизации складывается из ординарного (информативного) процесса — предварительного расследования о жизни кандидата, о его славе и об отсутствии культа, проводимого епископом на месте — и апостольского процесса, происходящего в Риме, в ходе которого подробно рассматриваются добродетели и чудеса кандидата.

⁷² *Caffiero M. Op. cit. P. 175.*

ривал всеобщее убеждение в добродетелях Лабра, обращаясь к наиболее болезненному вопросу о склонности к янсенизму и воздержанию от причащения. Даже такую неоспоримую добродетель, как непрерывные молитвы, он смог выставить в сомнительном ракурсе — молился Лабр потому, что не имел иного занятия.

Однако за этой частной историей неприятия святого обнаруживается и более широкий фон — история канонизации Лабра и использования его фигуры католической пропагандой. Почему, несмотря на серьезные обвинения, озвученные Пиччилли, и разоблачение механизмов распространения культа, Лабр все же был вознесен на алтари? Ведь на смену оскорбленному священнику в XIX в. пришли не менее страстные противники канонизации Лабра; они поставили акцент на его «антисоциальном образе» — бесполезности для общества и нечистоплотности. Между тем Святой Престол, несмотря на многочисленные споры, вынес решение в пользу канонизации нищего странника. Тем самым Католическая церковь предлагала бедным слоям населения образец «дисциплинированного набожного бедняка», чье поведение отсылало к первохристианским моделям. В то время как государство с подозрением относилось к паломникам и стремилось искоренить эту практику, связанную с неконтролируемыми передвижениями населения и нищенством, церковь решила использовать образ бедного паломника, чтобы найти пути примирения с тем маргинальным населением, которое могло узнать себя в образе смиренного святого.

Исследователи отмечают также, что Католическая церковь использовала образ Лабра, чтобы восстановить свое влияние после революционных потрясений и обратиться от предавшей ее знати к простому народу⁷³. Действительно, Французская революция сыграла значительную роль в истории канонизации Лабра. Французский паломник скончался как раз накануне событий, изменивших историю его отечества и всей Европы. Неудивительно, что бурное почитание и поспешный сбор материалов для канонизации замерли в годы революционных потрясений. Как указывает Э. Сюир, «Революция приостановила все французские процессы канонизации. Во времена Реставрации лишения, которым подверглась церковь в этот ставший для нее трагическим период истории, усилили желание католиков

---

⁷³ Ibid. Ch. 2.

вознести на алтари угодников Божьих, умерших и прославившихся при Старом режиме. Одновременно речь шла об искуплении кощунств, совершенных революционерами»⁷⁴. В случае французского паломника также с первой четверти XIX в. интерес к его фигуре вновь стал возрастать: Римская церковь видела в канонизации Лабра аргумент для примирения с французскими католиками и механизм для укрепления своего авторитета.

Имя Лабра часто звучало в панегириках; католические авторы подчеркивали, что «в то время, как так называемые философы восемнадцатого столетия называли баснями или нелепыми сказками чудесные рассказы о жизни святых, Господь послал их тщетной науке самое точное опровержение в виде необыкновенной жизни Бенуа-Жозефа Лабра. Этот исключительный человек, родившийся в той стране, где публично провозглашались все самые порочные теории, преподавал миру уроки, в которых тот больше всего нуждался»; особенно важно, что этот удивительный святой появился на свет в той стране, где «евангельские заповеди считались абсурдными и неисполнимыми», где «отрицались чудеса, а покровительство святых отвергалось»⁷⁵. Хоть проповедники указывали, что обыкновенные люди не могут и не должны подражать исключительному поведению блаженного, сквозь призму его жития восхвалялись основные христианские добродетели — смирение, покорность, нестяжание.

Итак, вшивый святой, смиренный странник, отрекшийся от всех мирских забот и себя самого, Бенуа-Жозеф Лабр был прославлен в эпоху, превозносившую важность труда, общественную пользу и человеческое достоинство. Именно потому фигура этого святого, воплощавшего раннехристианские ценности в век прогресса и вызвавшего бурные споры, как среди мирян, так и в среде самого духовенства, до сих пор привлекает внимание исследователей⁷⁶.

---

⁷⁴ *Suire E.* La sainteté à l'époque moderne. Panorama des causes françaises (XVIe–XVIIIe siècle) // *Mélanges de l'École française de Rome*. Vol. 110. 1998. № 2. P. 927.

⁷⁵ *Colomb (père A.)*. Vie Populaire de saint Benoît-Joseph Labre, né à Amettes (Pas-de-Calais), en 1748. Mort à Rome en 1783. Canonisé le 8 décembre 1881. Par un prêtre mariste. Paris, 1882. P. XV-XVI.

⁷⁶ Среди различных исследований, посвященных Б.-Ж. Лабру, особенно нужно отметить сборник: *Benoît Labre. Errance et sainteté. Histoire d'un culte 1783–1983* / Sous la dir. de Y.-M. Hilaire. P., 1984.